

Встрѣчи и столкновенія.

(В. А. Полетика и мои критики).

В. А. Полетика.

В Полетикой я встрѣчался очень часто въ 80-хъ годахъ, когда онъ, бросивъ промышленную и газетную дѣятельность, жилъ, такъ-сказать, на покоѣ.

Полетика принадлежалъ къ семьѣ горныхъ инженеровъ, давшей Россіи не мало крупныхъ дѣятелей.

Литературные вкусы были у него развиты. Онъ слылъ прекраснымъ ораторомъ, особенно застольнымъ. Я слышалъ его много разъ и долженъ признать, что онъ своими рѣчами производилъ впечатлѣніе. Въ нихъ чувствовался умный человѣкъ и человѣкъ очень начитанный. Но содержаніе его рѣчей было ниже ихъ формы. Говорилъ онъ и свободно, и легко, и красиво, дѣлалъ иногда мѣткія сопоставленія или удачныя экскурсіи въ область литературы, преимущественно отечественной, которою онъ видимо много занимался. Нашего величайшаго писателя, Пушкина, онъ, казалось, зналъ наизусть. Но эта свобода, какъ я случайно убѣдился, была, какъ у многихъ ораторовъ, только кажущаяся. На какомъ-то юбилейномъ обѣдѣ я состоялъ распорядителемъ, а обѣдъ былъ разрѣшенъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы распорядители приняли на себя отвѣтственность за цензурность застольныхъ спичей. Долженъ былъ говорить между прочимъ и Полетика. Примѣрно за двѣ недѣли до обѣда я имѣлъ съ нимъ бесѣду и просилъ его быть осторожнымъ, въ виду его склонности пройтись насчетъ властей. Онъ

обѣщалъ мнѣ быть вполне корректнымъ и, чтобы окончательно меня успокоить, предложилъ мнѣ тотчасъ же меня познакомить съ рѣчью. Онъ передалъ мнѣ ея содержаніе, а на обѣдѣ я убѣдился, что у него рѣчь уже за двѣ недѣли была подготовлена слово въ слово.

Какъ промышленный дѣятель, Полетика въ концѣ концовъ потерпѣлъ неудачу: онъ вынужденъ былъ покинуть заводъ, давшій ему состояніе. Какъ теперь, такъ и тогда, судостроительное дѣло, особенно находившееся въ связи съ потребностями военнаго флота, не обходилось безъ постоянныхъ казенныхъ субсидій. Дѣятель, въ родѣ Полетики, но болѣе крупный и начавшій раньше его, Н. И. Путиловъ, съ которымъ меня также свела судьба, говорилъ мнѣ, что, если бы не казна, то онъ со своими милліонными долгами не могъ бы продержаться и двухъ дней. И дѣйствительно, каждый разъ передъ тѣмъ, какъ должно было выйти рѣшеніе, получить ли онъ или не получить субсидію, онъ горѣлъ, какъ въ огнѣ, и требовалась вся его выдержанность заматерѣлаго дѣльца, чтобы не выдать того, что онъ переживалъ, не уподобиться по своему настроенію нервной женщинѣ. Удача или неудача Полетики въ дѣлахъ также зависѣла отъ казны, и такъ какъ онъ вынужденъ былъ оставить заводъ, то сильно озлобился противъ правительства. Его озлобленіе принимало размѣры ненависти, такъ что онъ, вообще очень сдержанный человѣкъ, становился болѣе чѣмъ рѣзкимъ, когда говорилъ о властяхъ. До какого ослѣпленія доводила его эта ненависть, свидѣтельствовали его застольныя рѣчи. По его словамъ отъ нашего правительства можно было ожидать всего. Оно-де приведетъ Россію на край гибели, и поэтому всякій другъ родины долженъ стремиться къ тому, чтобы его ослабить.

Подобныя мысли встрѣчали большое сочувствіе въ радикальныхъ кружкахъ. Полетика былъ желаннымъ застольнымъ ораторомъ на всѣхъ либеральныхъ или радикальныхъ пиршествахъ, и какіе онъ срывалъ аплодисменты. При этомъ, конечно, никто не задавался вопросомъ объ истинной подкладкѣ его рѣчей. Чѣмъ болѣе онъ сѣдѣлъ, тѣмъ краснѣе становился. Даже сотрудники Коршевскихъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“ казались ему овечками, и онъ скоро разстался съ литераторами, въ родѣ А. С. Суворина, писавшаго у него воскресные фельетоны, и замѣнилъ ихъ такими журналистами, какъ Минаевъ, Станюковичъ, Скабичевскій и т. д. Конечно, эти сотрудники никогда себя не спрашивали, почему свободолобивый Полетика, вопреки либеральному катехизису, является яркимъ сторонникомъ протекціонизма во всѣхъ его видахъ, т. е. не довѣряетъ свободѣ въ вопросахъ, наиболѣе ему близкихъ. Поле-

тика издавалъ „прогрессивную“ газету, платилъ сотрудникамъ хорошо—вотъ все, что надо было знать. Но читатель отнесся болѣе серьезно къ газетѣ Полетики, чувствовалъ внутреннее ея противорѣчіе, отшатнулся отъ нея, и она, переименованная изъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ въ „Молву“, скоро зачахла, не оставивъ послѣ себя замѣтнаго слѣда въ русской журналистикѣ.

Мои критики.

Какъ многіе русскіе публицисты, я чувствовалъ себя часто стѣсненнымъ въ своихъ писаніяхъ, и стѣсненіе это вызывалось для меня не только цензурою, но и издателями, и товарищами по журналистикѣ. Послѣдніе никакъ не могли примириться съ тѣмъ, что я не принадлежалъ ни къ одному изъ существовавшихъ тогда лагерей, а цензура меня преслѣдовала за проповѣдь въ пользу франко-русскаго союза. Особенно это стѣсненіе чувствовалось мною въ концѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ.

Между тѣмъ у меня накопилось много вопросовъ, о которыхъ мнѣ хотѣлось высказаться, но я предвидѣлъ, что въ публицистической формѣ это мнѣ не удастся или удастся только по отношенію къ вопросамъ внѣшней политики. Этимъ вопросамъ я и посвятилъ свою книгу: „Въ ожиданіи войны“. Но какъ быть съ вопросами внутренней политики? И цензуры-то я опасался, и товарищей по перу побаивался. Не попытать ли счастья на беллетристической почвѣ? Такимъ образомъ сложилась первая моя повѣсть („Дѣвичьи сны“). Я надѣялся, что въ беллетристической формѣ сойдетъ то, что въ публицистической врядъ-ли увидѣло бы свѣтъ.

Сотрудничалъ я тогда между прочимъ въ „Недѣлѣ“ П. А. Гайдебурова. Я ему послалъ рукопись, не называя себя ея авторомъ. Такъ какъ я никогда беллетристики не писалъ, то Гайдебуровъ предположилъ, что повѣсть принадлежитъ кому-нибудь изъ моихъ друзей. Она ему понравилась, была принята и напечатана. Какъ же отнесся къ ней критики, удѣлившіе ей большое вниманіе (въ руководящихъ тогдашнихъ газетахъ ей посвящены были цѣлые фельетоны)?

При оцѣнкѣ беллетристическаго произведенія обыкновенно стараются опредѣлить,—интересно ли оно, даровитъ ли авторъ, какова его основная идея? На эти вопросы тогдашніе извѣстные критики, нынѣ уже покойные (А. М. Скабичевскій, М. А. Загуляевъ, П. А. Гайдебуровъ, Ю. Н. Говоруха-Отрокъ и др.) отвѣтили слѣдующимъ образомъ:

Интересна ли повѣсть?

„Не правда ли, это очень любопытная повѣсть?... Въ ней описывается современная Россія, гражданскіе взгляды современныхъ русскихъ людей и современная русская женщина“. — „Повѣсть — нѣчто тяжеловѣсное, туманное, написанное *pro domo sua* и совсѣмъ мало интересное“. — „Въ повѣсти есть живой интересъ и колоритъ правды“. — „Авторъ очевидно сознательно провелъ въ своей повѣсти фабулу, подобную фабулѣ „Наканунъ“ Тургенева съ тою разницею, что у Тургенева дѣйствіе совершается наканунѣ, а у автора на другой день, и очень интересно посмотрѣть, насколько этотъ другой день отличается отъ „кануна“. — „Все изложенное авторомъ очень интересно и въ особенности ново у насъ. Авторъ смѣло взялся за жанръ, которому давно слѣдовало вступить въ борьбу съ избитыми, банальными сюжетами нашихъ молодыхъ беллетристовъ. Повѣсть его является примѣромъ того, что можетъ быть высказано у насъ въ беллетристической формѣ о вопросахъ, которыхъ обыкновенно не рѣшаются затрогивать въ печати. На всякой страницѣ встрѣчаются сужденія, поражающія своею смѣлою искренностью“. — „Повѣсть эта составляетъ не только документъ общественнаго значенія, но и произведеніе, занимающее въ русской беллетристикѣ очень почетное мѣсто“.

Даровать ли авторъ?

„Беллетристическаго таланта у автора нѣтъ ни на мѣдный грошъ“. — „Собственно говоря, повѣсть не представляетъ ничего особеннаго, отличающаго ее отъ заурядныхъ“. — „Нельзя сказать, чтобы новыхъ талантовъ совсѣмъ уже не было. Попытки затрогивать новыя стороны жизни являются. Въ повѣсти не мало того, чего вы не найдете въ произведеніяхъ нашихъ исправляющихъ должность беллетристовъ, — оригинальныхъ персонажей, новыхъ положеній и художественныхъ достоинствъ“. — „Авторъ украсилъ свою повѣсть художественнымъ изображеніемъ швейцарской природы и оживилъ ее глубокимъ чувствомъ“. — „Авторъ владѣетъ перомъ съ изяществомъ и легкостью опытнаго писателя. Его дѣйствующія лица очень выпуклы, описанія природы сдѣланы мастерскою рукою, и вопросы текущей политики обсуждаются съ несомнѣнною оригинальностью“...

Какова основная мысль автора?

Изъ всѣхъ критиковъ ея отчасти коснулся только одинъ, замѣтивъ, что повѣсть содержитъ характеристику главныхъ теченій нашей общественной мысли, зато о направленіи автора критики высказались чрезвычайно обстоятельно.

„Автору почему-то угодно было заявить, что всѣмъ русскимъ людямъ подобаетъ мыслить и разсуждать совершенно отрѣшенно, такъ-сказать обще-человѣчески. Онъ—западничающій интеллигентъ“.—„Можно даже сказать, что всѣ дѣйствующія лица въ повѣсти раздѣляются на двѣ категоріи: на патриотовъ, являющихся людьми болѣе или менѣе порядочными, и на непатриотовъ, не заслуживающихъ ни малѣйшаго уваженія,—таково уже міровоззрѣніе автора“.—„Авторъ повѣсти старается установить широкое міросозерцаніе, приведя его въ тѣсную связь съ сознательною любовью къ отечеству“. — „Чрезвычайно любопытно и ново, что авторъ не принадлежитъ ни къ одной изъ существующихъ у насъ партій“.— „Я даже сомнѣваюсь, русскій ли онъ человѣкъ“.—Авторъ, если не ошибаемся,—болгаринъ и вводитъ болгарскую контрабанду въ область беллетристики“.—„Авторъ—женщина“.

Признаюсь, мнѣ раньше никогда не приходилось сопоставить такимъ образомъ критическіе отзывы о томъ или другомъ произведеніи. Но когда я это сдѣлалъ по отношенію къ моей повѣсти, я сперва отъ души расхохотался, а потомъ мнѣ стало жаль и начинающихъ писателей, и читателей. Я-то цѣну нашей критики зналъ, но начинающихъ писателей, равно какъ и читателей она легко могла сбить съ толку. Хорошо еще, — думалось мнѣ:—если они вздумаютъ сдѣлать то, что я сдѣлалъ, т. е. собрать всѣ отзывы (хотя это для читателей по большей части невозможно). Тогда они просто отвернутся отъ критики, признавъ ее негодной и ненужной. Но если они этого не сдѣлаютъ, если они довѣрятся одному, двумъ отзывамъ, тогда критика можетъ безъ достаточнаго основанія ихъ обезкуражить или наоборотъ поощрить начинающихъ писателей, а читателей совершенно сбить съ толку при выборѣ книгъ. Впрочемъ, это большой вопросъ, котораго я здѣсь касаться не могу. Мнѣ хотѣлось только вспомнить моихъ критиковъ и показать, какъ осторожно надо относиться къ ихъ сужденіямъ.

Р. Сементковскій.

